

ровшегося против голландских работников в первой половине XIX века.

Ясно понимая, как важно для Индонезийской республики ликвидировать последствия колониализма, Э. Лундквист не пытается приукрасить тяжелую обстановку, в которой протекает борьба за это. Хозяйство молодой республики сильно подорвано. Ощущается острая нехватка многих необходимых товаров. Тем не менее «было бы черной ложью сказать, что во времена колониалистов жить «было в общем» лучше. Лучше было для господ-колонизаторов, но не для народа».

Большое место в очерках отводится критике империалистических устремлений США, пытающихся захватить решающие позиции в экономике и культуре Индонезии. Однако индонезийский народ знает подлинную цену американской пропаганды. Даже индонезийцы, получившие образование в США, вернувшись на родину, отнюдь не становятся поборниками «американского образа жизни». И это понятно: за океаном им приходилось наблюдать проявления расовой дискриминации, они видели, что «значимость человека там измеряется в долларах», что, «несмотря на благообразную внешность, жизнь большинства людей там бессодержательна».

Очерки Э. Лундквиста имеют большую познавательную ценность. Читатель знакомится с разными людьми, с разными характерами и судьбами. Особенно запоминаются образные зарисовки жизни и быта сборщиков каучука на Яве, крестьян-переселенцев на Суматре, студентов Богора и Джокьякарты. Лундквист — отличный «пейзажист», он умело включает картины природы в общую ткань повествования. Будучи глубоким знатоком ресурсов тропической природы, он выступает со смелым проектом разведения леса в районах, страдающих от эрозии почв, и создания лесообрабатывающей промышленности.

Работа Лундквиста не лишена отдельных недостатков и упущений. Слишком выпячены недостатки работы управленческих органов, неуместно большое внимание уделяется вульгарным социологическим параллелям между миром животных и человеческого обществом. Тем не менее книга имеет глубоко прогрессивную направленность. Она звучит как обвинительный приговор колониализму.

Л. АШКИНАЗИ

СТИПЕНДИИ С ВОЗВРАТОМ

ПЛАТА за обучение в колледжах Японии возрастает из года в год. В настоящее время в частных колледжах она достигла 650 тысяч иен за первый курс, что на 30 процентов выше, чем в прошлом учебном году, причем сразу же после приема студент обязан внести около 100 тысяч иен. Но, быть может, студенты получают большую стипендию? Ничего подобного: она колеблется от трех до пяти тысяч иен. Ясно, что поступить в высшие учебные заведения по карману лишь детям богатых родителей.

Учащимся советских вузов покажется странным и даже невероятным, что в некоторых странах студенты получают стипендии как бы взаймы: получив специальность, они должны выплатить их компании с процентами или отработать на ее предприятиях.

Делать «пожертвования» в стипендиальный фонд вдвойне выгодно для капиталистов: деньги возвращаются с лихвой, и плюс к тому студенты, будущие специалисты, попадают в финансовую кабалу монополий.

Стремясь занять ведущее место в научно-техническом прогрессе современности, японские монополии все больше внимания уделяют подготовке научно-технических кадров. В 1962 году был создан Совет по увеличению числа студентов в области науки и техники, который призван координировать работу двух органов — Федерации экономических организаций («Кейданрэн») и Комитета по развитию экономики Японии («Никкейрэн»).

С целью форсированной подготовки кадров, сообщает газета «Джапан таймс», с сентября 1959 по февраль 1962 года Совет добился от 198 банков и корпораций 2,4 миллиарда иен. Средний взнос монополий составил 11 630 тысяч иен, а наибольший — 250 миллионов иен.

Стипендиями в Японии ведает специальное общество под названием «Стипендиальная ассоциация Японии», распределяющее как государственные, так и частные поступления. За время своего существования (с 1944 года) ассоциация выделила в общей сложности 50 миллиардов иен на 1130 тысяч студентов. Всего в Японии 685 организаций (в том числе 269 частных), отчисляющих средства для стипендий. Среди них и крупные монополии и отдельные предприятия. «Такенака констракшн компани», например, начиная с 1962 учебного года, создала фонд в 200 миллионов иен, рассчитанный на 560 студентов.

За последние 18 лет в среднем за год стипендию получали лишь 63 тысячи японских студентов.

В 1962 году размер стипендий повысился лишь для докторантов (15 тысяч вместо 8—12 тысяч иен), тогда как для учащихся и студентов она осталась на прежнем низком уровне.

После окончания учебного заведения специальный штат сборщиков взыскивает с выпускников полученные ими за годы обучения суммы. От возвращения стипендии «освобождаются» только те, кто работает учителем в начальной или средней школе.

Нищие выпускники институтов, конечно, не в силах рассчитаться с искусственно созданными «долгами». К 1962 году израсходованный фонд не был возмещен на 47 процентов. Должниками-банкротами являются 640 тысяч человек.

В связи со сложившимися обстоятельствами ассоциация приняла чрезвычайные меры: увеличение числа сборщиков в Токио (теперь их насчитывается 30), Осака (18) и в таких городах, как Нагоя, Сендай, Хиросима и Фукуока.

Но от увеличения числа сборщиков бывшие студенты не станут богаче, тем более, что среди них немало безработных.

Г. МЕКЛЕР